Сегодня. — 1994. — 22 апр. — С. 9.

Ироничсты

Зиновий Гердт: надо доставлять себе удовольствия

Елена Константинова

Зиновий Ефимович, известно, что ваше хобби — чтение стихов и русский язык...

— Всю жизнь — не публично, конечно, — я читаю стихи. Видимо, от чтения классической литературы идет восхищение необыкновенно точно выбранным словом. Чем выше поэт — тем точнее подбирает слово в строку, тем скупее, скрупулезнее относится к рифме, собственно к слову. В тех строках, что я прочитал, один из самых изысканных поэтов в смысле рифмы — Пастернак зарифмовал «нас» — «вас». Примитивнее не бывает в школьной стенгазете. Но, оказывается, это не имеет значения, если надо точно выразить поэтическую жизнь...

Докапываться до какой-то сокровенной сути в стихах, разгадывать тайны — занятие опять же сладостное. Надо доставлять себе удовольствия. Их не так уж много на свете.

— В чем же вы еще находите наслаждение?

— Радости рассыпаны по жизни. Каждый день происходит нечто, чрезвычайно тебя возвышающее. Однако мы закоснели в суждении о проживаемом нами времени, убедив сами себя в том, что все кругом обозлены, что ненависть висит в воздухе. Все это чистая неправда, ерунда! Видя лес, не замечаем деревьев. Даже если в бессмысленно орущей толпе выбрать любого человека и участливо посмотреть ему в глаза — окажется, что он не лишен добрых человеческих чувств! Отчаяние или инстинкт толпы довели его до скотского состояния. Уверяю вас! Хорошо. Понимаю. Меня узнают. Но, думаю, даже не в этом дело. Просто кто-то поймал на себе расположенный взгляд другого, совершенно чуждого, не зависящего от него человека. Огромная сила — расположенность загодя.

Вот замечание по жизни. В магазин за хлебом без очереди вошел взлелеявший свою косичку мальчик. Его, этого птенчика, никто не осуждал, но — «молча обмененный взор ему был общий приговор». Так вот, поймать взгляд постороннего, совсем незнакомого себе человека, с которым точно совпал даже в оценке чего-то такого внешнего, необыкновенно приятно! Ты понимаешь, что он добрый, вдумчивый, не поверхностный человек...

— Зиновий Ефимович, как вы полагаете, ситуация безысходности, усиленно вбиваемая в сознание, нагнетается искусственно?

— Думаю, да... Видимо, меня могут заподозрить в идиотизме — что за оптимизм в такую пору? Что ж, пусть.

Безусловно, есть огорчения глобальные, всесветные. Огорчения относительно общества, в котором мы живем. Я актер и людей окрест, так или иначе, числю публикой. Так вот, публика у нас получилась ужасная. Ну какого черта Нонна Мордюкова, Инна Чурикова, Вячеслав Полунин, да и другие актеры стараются, когда публику это ничему не учит?! Публике не нужна великая Инна Чурикова! Не нужна!!!

— Полноте, вы преувеличиваете...

— Чурикова нужна вдумчивому, сострадающему меньшинству! А большинство верит чудовищной — да в самодеятельности ПТУ это не пройдет! — игре лидера популярной партии! Его кошмарное наигрывание нельзя смотреть без душевных мук! Душевно страдаешь от того, что человек занимается твоим ремеслом — то есть актерством, но так мерзко, что просто стыдно за него становится. А публика ему внимает. Значит, публика настолько извращена и испорчена жутким искусством, которое ей насаждалось три четверти века, что потеряла критерии хорошей и плохой игры. А человек, не играющий вообще, а лишь старающийся выразить правду, вызывает у нее раздражение, неприязнь...

Вы можете себе представить, чтобы Сахаров приспосабливался, как произнести ту или иную фразу — громче, тише или так вот набычиться, или выбирал перед зеркалом нероновскую прическу, кривлялся? Нет, невозможно! У него, как говорилось раньше, этого в заводе нет. И у Гайдара в заводе нет игры. И у Эллы Памфиловой. Оказывается, это минус, изъян для политика.

А теперь в поступках (публичных!) умысла больше, чем помысла.

Когда-то мы были на гастролях в Румынии и там познакомились с милейшей дамой-переводчицей, русской по происхождению, совершенно нищей, мечтавшей побывать в Москве. И вот последний спектакль. Банкет. Принимали нас необыкновенно пышно. Ночью после торжества по лунной улице возвращаемся домой — раздобревшие, сытые, пьяненькие немножко, и тут мне сослуживец, вполне благополучный человек, говорит: «Знаете, по-моему, я сейчас сделал очень хорошее дело!» — «Какое же?» — «Подарил Людмиле тысячу лей на поездку в Москву». — «Действительно, дело хорошее. Единственно, что скверно...» — «Что скверно?!!» — «Что Вы мне об этом рассказали...» — «Да, да!.. Ну кто меня за язык тянул?! Ужасно хотелось похвастать!..» Но этот-то человек хоть признался, что не удержался — хотел выглядеть хорошим в глазах другого. Вот ведь в чем дело...

— Афишируемая благотворительность вообще вызывает чувство довольно противоречивое...

— Да, понимаю, что благого здесь больше, чем противного. Но то, что спонсоры стремятся быть на виду — смотрите, мол, какие мы добрые! Что-то есть в этом... Помните, как прищучил Верховный Совет Сахарова: «Вы трижды получали Ленинскую премию! Куда дели эти деньги?!» (Кстати сказать, то была сумма немалая — сто тысяч рублей, по нынешним временам сто миллионов). И Андрей Дмитриевич нехотя, его уже просто к стенке прижали, ответил: «Мы отдали эти триста тысяч на строительство онкологического центра». Но целое общество о том даже и не знало! Сам Сахаров жил в маленькой квартирке, не имел никакой красной мебели... Вот два разных поступка, два разных даровения. Сопоставляйте. Люди хотят выказаться. Конечно, так было во все времена. Но в воспитанном русском обществе знают, чего нельзя делать публично. Предвижу чье-то саркастическое: «Это вы будете учить меня, как следует вести себя в русском обществе?!» Извините, так получилось, ничего не могу поделать...

— Зиновий Ефимович, помните ли вы свои поражения, если, конечно, таковые были?

— В ремесле?.. Их больше, чем побед. Ну, без этого не бывает, но Бог с ним, с ремеслом! Не могу вот уже больше пяти лет пережить полное фиаско, какое я потерпел в одном совсем чистом, казалось, абсолютно беспроигрышном деле. Есть у меня подруга Вера Павловна Веденина. Эта прекрасная женщина, не задумываясь о своей жизни, 13 февраля 1943 года спасла мою, пронеся меня, раненого, с километр на своих руках. Она воевала всю ту войну, больное сердце, четвертый этаж «хрущевки». И я положил себе: «Расшибусь, пойду «торговать лицом» перед начальниками, добьюсь! Ни Брячихин, тогдашний партийный хозяин района, ни Илья Заславский, предрайисполкома, — каждый, что-то пообещав, ни черта не сделали. Верочка лишний раз за молоком не спустится — потом ведь надо ползти на 4-й... А Умалатова, на всех митингах заступающаяся за малоимущую фронтовичку, за мою Верочку, уже, говорят, приватизирует что-то весьма престижное в Крылатском. Вот это мое страшное поражение. Пойду, попрошусь к Лужкову, даст Бог, что и получится...

— Долгое время у нас поощрялась самодеятельность всякого рода, была раскинута широкая сеть культпросветовских учреждений. Пожалуйста, ваше мнение по этому поводу.

— Нехорошего в этом не так уж и много. Любое занятие мальчиков и девочек в изо-, фото-, музыкальном и т. п. кружках я считаю благом, потому что в это время они не насилуют, не пьют в подворотнях политуру, не колются, а приобщаются к более или менее культурному существованию.

Что же до взрослых... Дилетанты — если это не касается медицины, политики, науки, а также стихосложения — самые лучшие люди на свете. Но, если человек воображает себя поэтом, сумев зарифмовать четыре строчки, — это беда! Графоманство — одно из самых распространенных заболеваний в любом обществе. Но в России оно наиболее выражено, конечно. Из сонма пишущих гений — один. По этому поводу у Давида Самойлова есть стихотворение, написанное белым стихом. Звучит примерно так: «В этот час десять влюбленных мальчиков садятся писать стихи. В этот час сто влюбленных девочек садятся писать стихи. В этот час... В этот час... В этот час... В этот час гений, зачеркнув написанное, отправляется в гости»...

Нет-нет, я обожаю дилетантов! Среди них бывают очень одаренные люди. Человек с любовью занимается каким-то делом не ради хлеба насущного — и этим он прекрасен! У меня есть знакомый, он физик-теоретик, членкор — Евгений Львович Файнберг. Лучшего знатока мировой живописи, литературы и философии творчества я не знаю — этим он замечательно коротает досуг; им написано множество эссе по искусству, еще при жизни Твардовского опубликованных в «Новом мире».

— Зиновий Ефимович, вернемся к литературе. Кажется, творчество Бабеля вызывает у вас особое почтение?

— Образ мысли этого писателя не может не быть близок любому. Его поиски выразительности, строй образов, его метафоры — не могут не увлекать. Но со временем происходит какое-то переосмысление: право, не надо уж так восхищаться, превозносить кого-то одного... Ведь смотря что с чем сравнивать. С Толстым? Любое сравнение будет в пользу Льва Николаевича. Хотя бы потому, что им так ценилась простота выражения, ясность, абсолютно игнорировалась эффектность речи. В русской поэзии? Баратынский. Столь умного, художественно мыслящего, самоироничного поэта нет, мне кажется, не то что в русской, но, может быть, и в мировой поэзии.

Ирония, обращенная на себя, — как же это высоко и завораживающе! Думаю, это одна из самых ведущих черт любого мыслящего человека. Такая ирония никогда не поставит тебя в глупое положение относительно общества, и ты вряд ли будешь виноват перед людьми, если иронично относишься к самому себе. Ну как не хватает самоиронии замечательному молодому человеку Явлинскому!.. Или Шахраю... Ну надо же!.. Как можно Лукину, который публично декларировал дружбу с одним из самых самоироничных людей на свете Юликом Кимом, ничего не перенять от него?! При том, что человеком он кажется вполне восприимчивым, образованным...

— Что, на ваш взгляд, способно воспитать интеллигентность?

— Думаю, интеллигентность воспитывается чтением русской классики. Люди наизусть знают Пруста, Манна, Борхеса и т. п. и забыли «Дворянское гнездо», «Вешние воды». Как это возможно? Быть русским, русскочитающим, и предать забвению такое рассыпанное перед тобой богатство? И не надо бегать по книжным лавкам, искать — достаточно просто взять книжку с полки...

Последние годы я и на два дня не могу расстаться с синим томом — самое лучшее, на мой взгляд, издание — Пастернака. Уже и истрепан он, залистан, какие-то страницы выпадают... При том, что читаю этого поэта целую жизнь, знаю очень многое наизусть, копаться, раскапывать истинный смысл в его удивительных строках — раньше как-то пролистывал это место и только сейчас вдруг понял: так вот, оказывается, в чем тут дело! — невероятное наслаждение! Как это интересно!.. Дважды брался за «Фауста», но так и не одолел, пока его не перевел Пастернак. Боже мой, неужели по-немецки это звучит так же высоко и прекрасно?! Не может быть!.. Конечно, нам еще дико повезло: гениальные писатели переводили великих иноязычных сочинителей.

В общем, греет и держит на плаву, как принято говорить, знание того, что живешь в одно время с какими-то совершенно особыми, необыкновенными личностями. Есть ученый Сергей Сергеевич Аверинцев, мы с ним не знакомы, но всякое сказанное или написанное им слово доставляет мне наслаждение. Ну какое счастье, что есть Аверинцев! Это же необыкновенно, правда?! Аверинцев, которому Бог не дал и не даст быть участником чего-то грязного, корыстного, просто безвкусного.

— Зиновий Ефимович, вашего имени, увы, сегодня не видно на театральных афишах. В чем дело?

— В театре не играю. Но — зовут. И довольно часто. Уже, видимо, года полтора у меня совсем нет долгов, пенсия приличная, башмаков и кофт покупать нам не надо — словом, экономически я свободен, поэтому от предложений, не самых соблазнительных, могу отказываться. Тоже, скажу вам, изрядное удовольствие.